

ЛОНДОНСКИЙ ТЕКСТ КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ

А. В. Соснин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(г. Нижний Новгород)*

Поступила в редакцию 26 января 2013 г.

Аннотация: в статье речь идет о когнитивной природе семиотики и о возможностях использования ее аппарата в когнитивных исследованиях языка. Как пример анализируется моделирующее построение – лондонский метатекст, т.е. «всеобъемлющая» вербализация концепта «Лондон», и предлагается стратегия его семиотической интерпретации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семиотика, моделирующий конструкт, Лондонский текст, метатекст.

Abstract: the article dwells on the cognitive nature of semiotics and suggests using its methodology in cognitive studies of language. To exemplify this point, the author considers the modelling construct of the London metatext, i.e. the global verbalization of the eponymous concept, and comes up with a programme of its semiotic interpretation.

Key words: cognitive linguistics, semiotics, modelling construct, London text, metatext.

Как известно, когнитивный подход к изучению языка исходит из того, что ключевая роль в формировании языковых значений принадлежит человеку как наблюдателю и как носителю определенных знаний и опыта. Однако при анализе когнитивных теорий в лингвистике складывается впечатление, что для анализа фактов языка когнитивисты зачастую оперируют не достаточно четкими процедурами: рассматриваются связи между структурами знания и структурами языка (приоритет отдается первым), но они, по замечанию Р. М. Фрумкиной, неизбежно вплетаются в контекст множественных индивидуально обусловленных интерпретативных практик и субъективных ассоциативных приращений [1]. Безусловно, данная проблема может быть вполне адекватно решена и в рамках собственно когнитивистской парадигмы (как, в частности, в трудах Е. С. Кубряковой [2; 3], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [4; 5]), однако, как представляется, для установления точных соответствий между языком и когнитивными представлениями необходим дополнительный методологический аппарат, когнитивный по сути, но более прецизионный.

Предлагаем обратиться к семиотическому моделированию, что вполне закономерно: человеческое мышление является по своей природе знаковым¹; в то же время, по указанию Ч. Пирса, «знак только

тогда становится знаком, когда он используется как знак, то есть только тогда, когда он адресован кому-то и интерпретирован чьим-либо мышлением как знак» [6, Т. VII, с. 357]. В отечественной семиотике это непосредственно отсылает нас к когнитивным идеям М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова. Последний подчеркивал, что «знаки возникают только в процессе взаимодействия между индивидуальными сознаниями» и что «само индивидуальное сознание наполнено знаками. Сознание становится сознанием, только наполняясь знаковым содержанием» [7, с. 16]. Об этом пишет в своей программной статье и А. С. Самигуллина: язык – это одновременно и система знаков, замещающих предметы речи (область семиотики), и система символов, за которыми стоит духовный опыт людей (область когнитивной лингвистики) [8, с. 14]. Исследователь также говорит о важности для когнитивистов тех обобщений, которые можно получить в семиотике в рамках собственно лингвистики – в так называемом «трехмерном пространстве языка»: синтактике, семантике и прагматике [9, с. 10]. Например, как отмечает А. Вежбицка в книге «Семантические примитивы», базовые реляционные понятия Сепира, фигуры Ельмслева, семантические компоненты Вайнрайха, семантические маркеры Бирвиша, элементарные смыслы Апресяна представ-

¹ Здесь мы следуем программным положениям Ч. Пирса, который неоднократно отмечает, что «каждая мысль есть знак» [6, Т. I, с. 538], что «мы думает только знаками» [6, Т. II, с. 202] и что «все мышление есть только знаки» [6, Т. V, с. 534]. Даже

если предположить, что человек способен мыслить и без языка в его знаковых репрезентациях, то в рамках общесемиотического подхода категории мышления и механизмы когниции опять же могут описываться знаково – через знаки невербальные, в частности, иконические.

ляют собой своего рода лингвистические эквиваленты лейбниевским человеческим мыслям, которые мысленно представимы сами по себе и через комбинации которых возникают остальные наши идеи [10, с. 234].

Приведем еще несколько замечаний касательно когнитивного характера семиотики. Когнитивными исследованиями было, в частности, доказано, что при концептуализации действительности человеческий мозг пользуется одними и теми же структурными параметрами, применяя их в самых различных областях знания. Отсюда становится понятным внимание к структурным аспектам произведений в семиотике, поскольку именно они служат отличительным признаком на пути от хаоса к упорядоченности. Важность семиотики для теории познания особо отметил В. В. Иванов в «Эпilogue» к «Очеркам по предыстории и истории семиотики»: «Задача семиотики – описывать семиосферу, без которой немислима ноосфера» [11, с. 791].

Одной из основных черт семиотики также является ее «текстовость» или, скорее, «метатекстовость», когда текст понимается как некоторая общая модель для группы текстов – в рамках ко-текстуальной теории текста, цель которой – построить некоторый текст-конструкт, общую идею, а затем породить все возможные воплощения этого изначального текста и сравнить их особенности (Й. Петёфи и др.) [12, с. 469; 13]. Понятие «текст» стало выступать в значении ключевого семиотического объекта в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Вслед за Ю. М. Лотманом текст стал рассматриваться как «генератор смысла», объект, который «принципиально гетерогенен и гетероструктурен» и, следовательно, являет собою «одновременную манифестацию нескольких (семиотических) языков» [14, с. 106]. Для Лотмана текст становится «динамическим, внутренне противоречивым явлением» [там же, с. 107]. Результат такого представления о тексте – вывод о том, что все процессы восприятия диалогичны по своей природе.

Выявление новых закономерностей функционирования текста (в общесемиотическом понимании) позволило по аналогии исследовать деятельность человеческого мозга и обратиться к построению описательных конструктов и моделей искусственного интеллекта, поскольку выяснилось, что на основе текстов культуры гораздо эффективнее строить модели, описывающие / имитирующие человеческое поведение, человеческий разум.

Действительно, как описать, например, ментальное представление об английской столице, концепт «Лондон», если не через субъективные смыслы, ментальные конфигурации, когнитивные метафоры и другие предельно общие когнитивные категории? – Поставить ему в соответствие текст: «лондонский

текст». Понятие городского текста было введено в научный оборот и теоретически обосновано академиком В. Н. Топоровым в 1973 г. в работе «О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления» [15], в которой говорится о том, что город имеет особые свойства, характерные структуры, которые делают его принципиально новой, семиотически насыщенной средой человеческого обитания.

Исследователь региональных российских городских текстов В. В. Абашев объясняет появление городского текста как формирование сетки семантических констант, которые возникают в результате непрерывного процесса символической репрезентации города. Далее матрица этих констант уже сама начинает определять то, как появляются новые представления о городе [16, с. 11–12]. Исследуя город / читая текст, человек устанавливает в кратковременной памяти непосредственные связи между объектами городского ландшафта / единицами прочитанной информации, а также делает логические и ассоциативные умозаключения. При дальнейшем исследовании / чтении построенные гипотезы получают развитие или опровержение. В семантической памяти каждое понятие связано с другими понятиями, поэтому активизация в сознании одного из них вызывает цепную реакцию ассоциаций. Этот процесс продолжается до тех пор, пока дальнейшая активизация соседних пропозиций не представится нерелевантной. Город предстает как глобальный литературный текст, *архитекст*, открытый анализу в синхронической и диахронической перспективе.

Реконструкция лондонского текста (и, соответственно, выделение набора концептуальных признаков) осуществляется на основе семантического анализа произведений английской литературы XVI–XXI вв., включенных в английский литературный канон², так или иначе связанных с Лондоном; причем сближает анализируемые произведения не только тема, но и сходная ее трактовка. По В. Н. Топорову, единство архитекста определяет не столько объект описания с характерными для него климатическими, топографическими, этнографически-бытовыми и культурными условиями, сколько единая смысловая установка [17, с. 259–367, 368–399], или «предикация сходных признаков, актуализируемых во всем корпусе привлекаемых текстов» [18, с. 67]. Предикация, как известно, разделяется на два этапа: 1) предикация в узком смысле – создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений

² Литературный канон – совокупность произведений, имеющих принципиальную значимость для социума и изучаемых в средней и высшей школе в стране исследуемого языка. Именно на основе литературного канона формируется значительная часть концептосферы образованных носителей языка.

– незавершенная предикация; 2) предикация в широком смысле – утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности («реальной» или литературной) – завершенная предикация [19, с. 393–394], т.е. интерпретация языковой последовательности относительно возможного «малого» мира, ситуации или эвентуальности в терминах привнесения новых семантических признаков в исходный, словарный набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон», и/или обнуления каких-либо признаков в этом наборе.

Конкретный набор признаков, соответствующий лексеме «Лондон» в конкретном контексте, будем вслед за французскими лингвистами Б. Потье и Ф. Растье называть *семемой*. Положим, что есть функция (назовем ее *Extension* или EXT), которая на основе операций интерпретации (анализ, сохранение, конденсация, транспозиция, субституция, погашение, добавление [18, с. 54–55]) позволяет находить проявления сущностей в мирах, которые мы задаем в качестве аргумента. Так, если дан мир w и сущность L (выражаемая набором семантических признаков), то EXT (L) (w) будет подмиром, который является проявлением L в мире w , т.е. результирующий набор признаков $L_i = \text{EXT} (L) (w)$ [20, с. 163]. Мир w – это трансформация «онтологически реального» мира W в зависимости от социолектных и идиолектных установок автора как конструктора текста / данного мира w и читателя как его деконструктора.

В качестве сущности L также могут рассматриваться семемы, входящие в *таксемы* или классы семем, которые соотносятся по одной или нескольким общим семам с семемой, которая вербально репрезентируется лексемой «Лондон». Практически во всех текстах, где фигурирует наименование «Лондон», оно прежде всего истолковывается (i) как урбанизированное пространство, город; (ii) как столица Великобритании. В прочих текстах семы /urban area/³ и /capital city/ всегда присутствуют в актуализованном или виртуализованном виде. Эти семы являются родовыми для таксем //urban area// и //capital city//⁴, в состав которых входят семемы ‘town’, ‘borough’, ‘city’, ‘emporium’, ‘cosmopolis’, ‘metropolis’, ‘agglomeration’, ‘conglomeration’, ‘conurbation’, ‘sprawl’, ‘megalopolis’, ‘capital’⁵ (всего 12). Данные семемы представляют собой гипо-гиперонимический ряд (ряды) и строятся на иерархии сем (например, по возрастанию степени урбанизации пространства). За счет изучения синтагматических и парадигматических связей этих семем и подстановки их в формулу $L_i = \text{EXT} (L) (w)$ представляется возможным выявить больше признаков лондонского текста, чем если бы мы в качестве L брали

только «словарную» семему ‘London’. Суммируя полученные смыслы, которые выявляются в интерпретирующих семемах в зависимости от контекста, можно получить достаточно полное семантическое описание исследуемого текста, т.е. рассмотреть его в большинстве его проявлений. Выделенные семы косвенно соотносятся с признаками концепта «Лондон». Перечисленные семемы будем отождествлять с его уровнями или слоями.

Каждый элемент лондонского текста потенциально обладает всей суммой возникающих в разных ситуациях значений. Отсюда предельная неопределенность, стохастичность каждого элемента. Частная задача исследователя при таком подходе – выявление достаточно полного перечня регулярных семантических (статических и динамических) отношений между семемами и их классами, значимых для корпуса текстов, которые входят в лондонский текст.

Выделение сем и семем осуществляется не референциально, а интенционально⁶: семы определяют через отношения между семемами; эти отношения детерминируются лингвистическим и ситуационным / прагматическим контекстом; определение семемы также является исключительно дифференциальным. В противном случае возникла бы проблема описания безденотатных имен типа *ecumenopolis* («город-мир» применительно к Лондону) и трактовки метафорических употреблений типа *London is a prison*, не являющихся истинными с точки зрения референции к объектам действительного мира.

Реконструкция лондонского текста предполагает выделение (с известной долей условности) в его составе 12 слоев – по числу вышеперечисленных семем. При этом фразеологические единицы, устойчивые словосочетания и предложения с участием вербализаций данных семем, а также производные от них образуют подслои лондонского текста. Метафорические вербализации образуют другие уровни текста – в рамках

⁶ Интенционал, т.е. совокупность семантических признаков, определяет некоторую сущность, «вещь» возможного, хотя не обязательно актуального мира. Сам же возможный мир в семиотике – это мир, состоящий из предметов, индивидов, сущностей, соответствующих интенционалам какого-либо языка. Возможный мир строится по законам логики, он внутренне целесообразен и логичен, но его интенционалы не завершены экстенционалами, для них в определенном смысле нет необходимости находить существующие «вещи» в актуальном мире. Действительно, существуют знаки, имеющие недействительную денотацию. Хотя понятие знака и предполагает понятие десигната, но обозначаемые объекты не обязательно должны существовать реально. Так, по замечанию Ц. Тодорова, фразы, составляющие литературу, являются «ложными» не в большей степени, нежели «истинными»; родоначальники современной логики (например, Фреге) уже обратили внимание на то, что литературный текст не поддается испытанию на истинность, что он ни истинен, ни ложен; он – вымысел [21, с. 358].

³ /сема/ – условное обозначение семы.

⁴ //таксема// – условное обозначение таксемы.

⁵ ‘семема’ – условное обозначение семемы.

рассмотрения метафоры как категориального сдвига или «квантового скачка» (с формально-семантической точки зрения метафоры описываются в терминах актуализации и нейтрализации сем и построения семантических изотопий, за счет чего появляется возможность «стыковки» несовместимых понятийных областей). Участие различных семиотических систем в формировании текста обеспечивает его многомерность. Однако данный конструкт – всего лишь упрощенная модель, поскольку, характеризуясь нелинейностью «прочтения», лондонский текст не имеет четкой организации и потенциально открыт для изменений или «перегруппировки» признаков.

Структура лондонского текста является калейдоскопичной, вероятностной, поскольку компоненты смысла актуализуются в контексте и могут не осознаваться в их совокупности, определяясь через отношения между семемами, парадигматическими или синтагматическими, детерминируемые прагматическим окружением, аксиологическими установками и прочими видами кодирования.

Ключевыми для лондонского текста являются оппозиции «urban – rural» и «urban – suburban». При анализе данных оппозиций выделяется набор афферентных социально-нормированных и идиолектных признаков, характеризующих Лондон как урбанизированное пространство.

Лондонский текст анализируется как инвариант, более или менее общий для английского социума, при этом демонстрируется, насколько далеко могут идти индивидуальные ассоциации в рамках индивидуально-авторского использования языка (что, в частности, свидетельствует о стохастическом или вероятностном характере текста)⁷. Особенности идиолекта можно, в частности, усмотреть в «неожиданной» сочетаемости и, соответственно, нестандартной соотношенности понятийных областей (*dolent city*); не менее показательны и индивидуальные ассоциативные связи между словами (*swamp – dark London – изнанка английской натуры*).

Контрадикторные воззрения на Лондон можно соотнести с разными ассумптивными универсумами: личностью и идиолектом автора, стиливой / интертекстуальной рамкой, аксиологической установкой, существующей в конкретный период. Предикация противоречащих друг другу признаков свидетельствует о многофакторном характере лондонского текста.

Преобладание признаков с негативной оценочностью в корпусе выделенных признаков лондонского текста связано, очевидно, с той закономерностью

⁷ Заметим, что эти ассоциативные приращения выделяются из исследуемого корпуса текстов с помощью формализованных интерпретирующих процедур и прецизионно описываются как актуализируемые семантические компоненты.

концептуализации действительности, что отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые рассматриваются как естественные, нормальные.

Аксиологическая ценность лондонского текста для представителей английского социума заключается в том, что британская столица представляет собой важнейшую составляющую английскости и концептуализуется как модель общеанглийских и общемировых процессов, как аналогия человека, сознания и универсума. Такое представление о Лондоне оказывается важнейшим ориентиром в сознании индивида: это результат и непосредственного ощущения, и памяти о прошлом опыте; оно равно имеет значение как для осмысления информации, так и для руководства действиями.

Итак, анализ ментальных сущностей через семантическое исследование соответствующих им текстов, интеграция когнитивного и семиотического подходов позволяют решить ряд методологических задач:

- использовать в анализе строгие лингвистические процедуры;
- «примирить» языкознание с литературоведением⁸ и «вторичными моделирующими системами» в рамках общего семиотического подхода;
- показать, что у концепта имеются не только «объективно истинные» признаки;
- описать данный ментальный фрагмент с позиций диалогичности и приращения новых смыслов – в терминах актуализации потенциальных социолектных и идиолектных сем (появление новых интерпретаций текста в новые эпохи, его различные толкования различными социальными группами, текст как продукт не только автора, но и читателя).

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрумкина Р. М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра / Р. М. Фрумкина // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1999. – № 4. – Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/LITRA/FRUMKINA.HTM>
2. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 63. – 2004. – № 3. – С. 3–12.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

⁸ Для теоретического обоснования сходства языка и литературы «заместительный» принцип знака «*aliquid stat pro aliquo*» оказался недостаточным, и он был заменен «принципом высказывания». По словам Ю. С. Степанова, единство языка и литературы обнаружилось в том, что во всех их частях и разновидностях распознаются не знаки, а однородные «ячейки» другого рода – высказывания, в основе которых лежат пропозициональные функции с постоянными и переменными компонентами [9, с. 8].

4. Попова З. Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык. Этнос. Картина мира. – Вып. 1. – Кемерово, 2003. – С. 16–23.
5. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
6. *Pierce Ch. S. Collected Papers. Vol. I–VIII / Ch. S. Pierce.* – Cambridge; Mass., 1931–1958.
7. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов. – Л., 1930.
8. Самигуллина А. С. Когнитивная лингвистика и семиотика / А. С. Самигуллина // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 11–24.
9. Степанов Ю. С. В мире семиотики (вступительная статья) / Ю. С. Степанов // Семиотика языка и литературы: пер. с англ., исп. и фр. яз.; под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 5–36.
10. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы» / А. Вежбицка // Семиотика языка и литературы: пер. с англ., исп. и фр. яз.; под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 225–252.
11. Иванов В. В. Очерки по предыстории и истории семиотики / В. В. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. – Т. I. – М., 1998. – С. 605–811.
12. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 467–472.
13. *Petöfi J. S. Transformationsgrammatiken und eine ko-textuelle Texttheorie / J. S. Petöfi.* – Frankfurt a. M., – 1971. – 657 S.
14. Лотман Ю. М. К современному понятию текста / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. – 1986. – Вып. 736. – С. 104–108.
15. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления / В. Н. Топоров // Structure of Texts and Semiotics of Culture. – The Hague-Paris, 1973.
16. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь, 2000. – 404 с.
17. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 621 с.
18. Бочкарев А. Е. Семантический словарь / А. Е. Бочкарев. – Н. Новгород: Деком, 2003. – 200 с.
19. Степанов Ю. С. Предикация / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 393–394.
20. Бах Э. Неформальные лекции по формальной семантике / Э. Бах. – М.: Либроком, 2010. – 224 с.
21. Тодоров Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров // Семиотика языка и литературы: пер. с англ., исп. и фр. яз.; под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 350–369.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород)

Соснин А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, докторант кафедры английской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова

E-mail: alexsosnin@mail.ru
Тел.: (831) 419-55-21

National Research University «Higher School of Economics» (Nizhny Novgorod)

Sosnin A. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Doctoral Candidate of the English Philology Department of the Nizhny Novgorod State Linguistics University named after N. A. Dobrolubov

E-mail: alexsosnin@mail.ru
Tel.: (831) 419-55-21